АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

время под «новейшим» влиянием возникают две формы пассива: первая, обычная в северо-индийских языках, с глаголом जाणें dzāṇeṅ 'уходить' и вторая, специфичная для маратхи, локатив герундива с формами глагола येणें yeṇeṅ 'приходить'. По автору, эти формы употребляются, главным образом, в деловом и официальном языке, но их употребление, повидимому, расширяется. По моим наблюдениям обе эти формы обычны для современного литературного маратхи, причем вторая более употребительна.

Целую группу сложно-вербальных глаголов автор объединяет под общим названием «неполно определяющие слова» («Words defectively determinative»). К ним относятся: каузативные, потенциальные, дезидеративные, инцептивные, тентативные (выражающие попытку к действию), длительные и многократные, глаголы обычности действия и разрешительные. Неполно определяющим словом является не вся глагольная форма, а тот его элемент, который придает ему специфический характер, т. е. элемент, обычно называемый образующим; он может быть глагольной формой или просто флективной частицей; конкретный же глагол, называемый обычно основным глаголом, автор называет «дополнением».

Чрезвычайно важный вид глаголов — интенсивные — рассматривается в параграфе под названием «Законченность действия». Изложение здесь совершенно неуловлетворительное; не указываются оттенки значений, придаваемые образующими глаголами.

Характерное для автора стремление по новому классифицировать все явления языка на основе «функционального» принципа особенно ярко выразилось в определении части речи, которой он заменяет союзы. Эта часть речи (Connectives) гораздо шире и включает союзы, как одну из составных частей. Функция «Connectives» состоит в указании на связь суждений друг с другом и осуществляется она следующими способами:

1. Союзы.
2. «Начальный элемент в вопросительных и относительных словах (местоимениях), который указывает на характер предложения или фразы» (т. е. звук *k*, *j*).
3. Междометия и такие слова, как «что», «как», отмечающие восклицательное предложение.
4. Изменение порядка слов или специальные формы, отличающие вопросительное предложение.
5. Тон голоса (вопрос, восклицание и др.).
6. «Некоторые формы, напр. деепричастия, подразумевают определенную связь, не выражая ее».

Синтаксису уделено очень немного места (стр. 146—165). На стр. 35—36 дана классификация предложений, которые автор делит на четыре группы: 1)простые, 2) комплексные, в которых фразы играют роль частей речи; 3) сложные, из которых одни подчинены другим; 4) сжатые («contracted»), в которых имеется несколько подлежащих или сказуемых. Укажу, что четвертая группа является подразделением простого предложения, а вторая и третья могут быть объединены в группу сложных; я не вижу причины для отделения их друг от друга, да и сам автор в примерах на вторую и третью группы приводит совершенно аналогичные придаточные предложения причины (стр. 149 и 157).

О сложных словах сказано всего несколько слов. Также кратко изложены, вернее перечислены, и основные производительные морфемы (префиксы и суффиксы).

Книга изобилует теоретическими высказываниями, нередко имеющими общий характер и не связанными с конкретными фактами маратхи. Большая часть этого материала не нужна изучающему язык. Эти теоретические искания, иногда и не лишенные некоторой оригинальности, не интересны для языковеда, так как в них заметна недоработанность, неустойчивость; в большинстве случаев они не доказаны. Во многих местах автор касается вопросов, не относящихся к грамматике; таковы, напр., его наклонения, выражаемые только тоном голоса.

Оценивая книгу как начальный учебник, необходимо отметить, что автор охватил все существенные элементы языка, изложив их, в большинстве случаев, достаточно полно и снабдив примерами. Конкретные указания автора точны. Ему удалось систематизировать и поместить в соответствующие параграфы многие мелкие языковые факты. Однако общее расположение материала и его освещение на основе теорий автора, а также перегруженность книги ненужным и сомнительным теоретическим материалом делают книгу непригодной в качестве учебника.

В. Краснодембский

The Popular English-Hindi Dictionary with sundry useful Appendices and Tables. Allahabad. The Indian Press Ltd., 1936. Price Rs. 2/12.IX + 866 стр.

Третье и четвертое десятилетия нашего века особенно характерны усилением тенденций буржуазного национализма в современных индийских литературах. Именно в это время издаются крупные труды на хинди по истории литературы, языкознанию, словари и т. п. Одной из интереснейших сторон развития буржуазного национализма в литературе является движение за самый распространенный язык Индии — хинди, как общеиндийский государственный язык, призываемый националистами быть средством интерпровинциального объединения индийцев. В связи с этим из литературных и политических кругов исходит призыв к поощрению развития разнообразных отраслей литературы на хинди.

Движение за хинди — общеиндийский «национальный» язык одновременно является движением против иностранного — английского языка, официального государственного языка колонии. Новая империалистическая «конституция», предоставленная Индии 1 апреля 1937 г., устанавливает официальным языком провинциальных и центрального законодательных собраний английский язык. В результате — новое оскорбление национальных чувств (99% индийских избирателей не знают английского языка) и усиление противопоставления хинди английскому языку, усиление пропаганды хинди. Но пропаганда обязательного общегосударственного языка в многонациональной и многоязычной колонии уже успела показать на примере Индии, что вне рамок правильного решения национального вопроса не могут быть решены и вопросы языка; она привела лишь к ожесточению национальной и конфессиональной распри. Бенгальские националисты считают бенгальский язык имеющим больше прав, чем хинди на положение общеиндийского языка, индийские панисламисты противопоставляют хинди урду и т. д.

В качестве общей для всей Индии культурной основы для создания хинди литераторы-националисты выдвигают санскрит. В самые последние годы, в связи с тенденцией к демократизации националистических установок, нашедшей отражение в политике Национального конгресса, наметилось и более умеренное отношение к санскриту, как основе общего индийского языка. Стало ощутительным то, что санскритизованный язык отделяет его творцов от масс и не может служить проводником того или иного влияния на массы. На конференциях литературных и языковых организаций стали вноситься предложения о создании общего языка с использованием лексики народных разговорных и провинциальных языков. Националистические языковые политики аргументировали изменение курса изречением «Vox populi — vox Dei». Недавно был даже создан «Союз народной литературы» со специальной задачей выработки литературного хинди, понятного массам.

Однако масштабы демократических мероприятий в области языка совершенно ничтожны; для осуществления демократических установок в колониальных условиях нехватает средств, и современная буржуазная литература на хинди в огромной мере санскритизуется под лозунгом «национальной культуры». Лозунг «национальной культуры», выдвигаемый буржуазными литераторами в Индии, лжив и реакционен. Санскритизованный хинди, предлагаемый как средство национального объединения, не только не может быть таковым, но не может и сколько-нибудь широко распространиться, так как его лексическая основа — санскрит — не связана органически с национальной народной жизнью в современной Индии. Санскритский хинди бытует на страницах буржуазных книг, газет и журналов, объединяющих лишь узкий круг буржуазной интеллигенции. Он недоступен и непонятен широким массам. На деле получается, что «национальный», «культурный» объединитель — санскрит—в руках буржуазных авторов, пишущих на хинди, становится только помехой развитию подлинного национального литературного языка, уходящего корнями в современную народную жизнь.

Рецензируемый словарь, являющийся по существу англо-санскритским, это подтверждает. Санскрит, вводимый как объединяющая основа «национальной культуры», не оставляет часто места даже самым простейшим словам современного хинди; слова, распространенные в разговорной речи, вовсе не допущены в данный словарь. Составители об этом говорят в специальном пункте предисловия: «9. Vulgar and provincial words not used in polite society and which would simply have increased the number of synonyms have been intentionally avoided».

В основном составители отобрали «благородные» санскритские слова, употребляющиеся в «культурном обществе». Таким образом и овладение английским языком с помощью этого словаря дано только лицам из «благородного общества», знающим санскрит.

В какой мере санскритизован словарь, показывают следующие примеры:

Position переводится स्थिति, अवस्था; स्थान; ओहदा, पद; वुस्त-स्थिति; मानसिक अवस्था.

ABC — अति अल्प ज्ञान.

Admission — प्रवेशन, स्वीकृति (to admit आने देना).

Ability — योग्यता, क्षमता, а употребительное लियाकत не нашло места в словаре из-за своего арабского происхождения.

В первую очередь по-санскритски и сложно объясняется такое слово как «House» — निवास-स्थान, घर; गृह जो किसी उद्देश्यके लिये हो.

Даже простейшие слова переводятся сначала на санскрит, а потом лишь на хинди:

Boy — शिशु, बालक; लौंडा, लड़का.

Girl — बालिका, लड़की; कुमारी, कन्या.

В области специальной терминологии обращает на себя внимание стремление избежать английских и иных по происхождению слов, хотя бы уже и привившихся в литературе.

Foot note переводится калькой पाद-टीका, но не употребительным फटनोट.

Number — पत्र-पत्रिका आदि का अंक, но не नम्बर.

Press — समाचार-पत्र, но не प्रेस.

Type-writer — टाइप करने की मशीन, но не просто टाइप-राइटर.

Column — калька स्तम्भ, но не कालम.

Motor — संचाल-शक्ति; गतिसंचारक-यंत्र, но не употребительный эквивалент मोटर.

Photograghy — आलोक-चित्रकला, а не फोटोग्राफी.

Court — न्यायालय, कचहरी, но нет ни अदालत, ни कोर्ट.

Taxi — किराय की मोटर, но не टैक्सी.

Только под напором большой употребительности и конкурентоспособности проникают в гнезда несанскритские слова. Они отражают прочность положения того или иного несанскритского источника лексики хинди.

News-paper — समाचार-पत्र, अखबार (последнее слово успешно конкурирует с первым санскритским).

Proof — प्रूफ («корректура» — слово, не имеющее конкуренции)

Bank — बंक, सर्राफा, कोठी.

Appeal — अपील.

Tramway — ट्रामगाड़ी.

Factory — कारखाना, शिल्पशाला.

Machine — कल, मशीन, यंत्र.

Trade — वाणिज्य, व्यवसाय, तिजारत.

Workman — मजदूर, श्रमिक; अपने कार्य में कुशल व्यक्ति.

Peasant — किसान, ग्राम-वासी.

Army — फौज, भीड़, दल.

Mill — कारखाना.

Barrister — बरिस्टर.

Pleader — वकील, ल्पीडर.

Code — आईन-संग्रह.

Accusation — शिकायत; इलजाम.

Act — कानून.

Но даже судебную терминологию, в которой большое место занимают арабско-персидские термины, словарь отражает неполно. Напр. слова punishment и penalty переводятся санскритским दण्ड, но нет персидского सजा; слово judge переводится санскритским न्यायाधीश, но английское जज не упоминается, слово advocate передается арабским वकील, но нет употребительной транскрипции एडवोकेट и т. д. и т. п. Английские слова особенно пробиваются в административную, техническую и другую современную терминологию.

Police — पुलिस.

Vice-roy — राजा का प्रतिनिधि, वायसराय.

Officer — राज-कर्मचारी, अफ़सर, हाकिम...

Governor — प्रान्त वा नगर आदि का हाकिम (но нет गवर्नर).

Collector — ज़िले का प्रधान अधिकारी, कलेक्टर.

Municipality — स्वयत्त-शासन-सम्पन्न नगर; म्यूनिसिपैलिटी को शासन-समिति, а употребляется обычно для этого простая транскрипция — म्यूनिसिपैलिटी.

School — स्कूल, पाठशाला.

Principal — प्रिंसिपल (но на ряду с विद्यालय का प्रधानाचार्य).

Fees — फीस.

Boiler — देग, बायलर.

Bicycle — दो पहियेदार पैरगाड़ी, बाइसिकिल.

Steamer — वाष्पीय नौका, स्टीमर и т. д.

Категория глаголов, в том числе отыменных, предоставляет в этом словаре большое место для несанскритских слов.

Appear — समझ पड़ना; दिखाई पड़ना; हाज़िर होना; प्रकाशित होना.

Coax — खुशामद करना, फुसलाना, मनाना, चापलूसी करके किसी से चीज लेना.

Accrue — जमा होना, बढ़ना, उत्पन्न होना.

Abbreviate — छोटा करना (но abbreviation — संक्षेपकरण).

Abdicate — त्यागना, छोड़ना (गद्दी, पद आदि).

Abolish — दूर करना, हटाना.

Adjure — कसम देना या खिलाना.

Advise — सलाह देना; बताना; जताना; परमर्श करना.

Agree — एकमत होना; राजी होना; अनुकूल होना... и т. п.

При переводе очень многих английских терминов составители словаря проявили непоследовательность, объясняющуюся не только стремлением возможно больше избегать английских слов, но и отсутствием метода перевода и пояснения этих терминов. Напр. названия металлов передаются следующим образом:

Manganese — (लोह-सदृश) धातु-विशेष.

Platinum — वज्रनी धातु-विशेष.

Nickel — चाँदी की भाँति सफेद रंगकी धातु.

Обычно употребительная в научном и техническом тексте хинди индийская транскрипция этих терминов в словаре вовсе отсутствует. Но у многих других научно-технических терминов она имеется:

Radium — धातु-विशेष, रेडियम.

Hydrogen — हाइड्रोजन, तत्तव-विशेष जो पानी का दो-तिहाई भाग होता है.

Для читателя или переводчика на хинди было бы важно также узнать из словаря индийское написание терминов प्लाटिनम, निकल и др.

Еще несколько примеров такого рода непоследовательности: «Engineer» интерпретируется санскритизованным выражением कल का निर्माताया संचालक, употребительного इंजीनियर нет, но оно появляется при переводе глагола to engineer — इंजीनियर-का काम करना. Steam-engine переводится санскритским वाष्प-द्वारा चालित एञ्जिन, тогда как в технической литературе употребительно слово स्टीम-इञ्जिन; Taxi переводится только किराय की मोटर, а Lorry — पार्श्वहीन गाड़ी-विशेष, लारी и т. д. и т. п.

С одной стороны, неразвитость специальной терминологии и синонимики, а с другой, — обращение к «благородному» санскритскому источнику, привели составителей к многословному и часто излишнему описательному способу передачи того или иного английского термина. Зачастую санскритизованные описания и объяснения преобладают над эквивалентами или иностранными словами в индийской транскрипции или вовсе вытесняют их.

Описание или пояснение при отсутствии эквивалента не может удовлетворить запросов обращающегося к словарю. Пользующийся словарем не узнает, есть ли в литературном хинди нужный эквивалент, или не узнает, какова индийская орфография нужного слова. Так, напр., в словаре нет перевода слов Bolshevism, Soviet, Capitalism и мн. др., которые заменены описаниями. Таким образом составители в этом отношении не оправдывают своих слов в предисловии о том, что «The Popular English-Hindi Dictionary is mainly intended for use in schools, and colleges, and as a book of ready reference for translators and for those who actually feel difficulty in finding apposite Hindi equivalents of English words and phrases».

Выгодно отличается рецензируемый словарь от словарей хинди, изданных ранее тем, что составители включили в него многие общественно-политические и научные термины XX в., в особенности послевоенные. Но частое отсутствие эквивалентов этих терминов или их индийской транскрипции понижает ценность этой стороны словаря. Напр. слово Marxian переводится कार्ल मार्क्स सिद्धान्तसम्बन्धी, но слова Marxist मार्क्सवादी как и слова Marxism — मार्क्सवाद в словаре нет. Capitalism переводится पूँजीवालोंके अनुकुल पद्धति, а употребительных слов कपिटलिज्म и पुँजीवाद в словаре нет. Слово Soviet неверно поясняется без эквивалента: रूस देशीय श्रमिकों तथा सैनिकों की निर्वाचित परिषद्; अखिल रूस देशीय प्रतिनिधि-महासभा. Из-за пристрастия к санскриту неверно переводится слово Revolution — विप्लव, राज्यक्रान्ति; आवर्त्तन, चक्कर; घोर परिवर्त्तन, क्रान्ति (как видим, употребительный термин отнесен на самый конец). Такое же искажение значений произведено и над рядом важнейших современных терминов

«The Popular English-Hindi Dictionary» — не только англо-хинди, но также и англо-английский словарь. Между английским словом и его переводами на хинди располагаются английские синонимы. В связи с этим одним из недостатков словаря является еще то, что во многих случаях переводятся на хинди не английские слова, стоящие в начале гнезда, а английские же синонимы, их поясняющие. Напр. take, v. t. & i. (took, taken) eat; accept; adopt; seize; convey. . . खाना; स्वीकार करना; ग्रहण करना; पकड़ना; छीनना; लेजाना... account, v. t.&. i. consider; answer for; give or receive account, विचार करना; कारण बतलाना; हिसाब लेना वा देना.

На построение рецензируемого словаря наложили отпечаток использованные составителями многочисленные словари. Среди английских словарей, по словам составителей, использованы: J. Murray. The New English Dictionary. — Whitney. The Century Dictionary. — Chambers. Twentieth Century. — The Pocket Oxford Dictionary. — Fowler. Modern English Usage. — Cassell. New English Dictionary. — Imperial Dictionary. — Webster. International Dictionary; из индийских словарей использованы: Apte. Anglo-Sanscrit Dictionary. — Hindi Shabda Sagar. — Grierson. Bihar Peasant Life. — Hindi Scientific Glossary и другие трилингвальные и билингвальные словари.

В особенности на словаре сказалось влияние «The Pocket Oxford Dictionary» и «Anglo-Sanscrit Dictionary» Apte. У «Pocket Oxford Dictionary» заимствована целиком

фонетическая система и обозначение неправильных форм.

К словарю приложены:

1) иностранные слова и фразы, часто встречающиеся в английском языке. Почти все они переводятся по существу на санскрит, напр.:

Manège — अश्वारोहणविद्या; इसके लिये स्कूल.

Gamin — बहेतू बालक.

Genre — कला आदि की शैली; साधारण जीवन से लिये हुए दृश्यों का चित्रण.

Faux pas — ख्यातिनाशक कर्म; सदाचार स्खलन.

Fin de siècle — उन्नत," आधुनिक; क्षीणमान.

Exposé — तथ्य-कथन; उद्घाटन; प्रदर्शन.

Zeitgeist — युगधर्म्म и т. д и т. п.

2) Расшифровка по-английски употребительных в английском языке сокращений.

3) Математические и коммерческие знаки.

4) Формулы обыкновенных английских писем.

5) Весы и меры.

6) Формулы устных и письменных обращений к высокопоставленным особам.

Имена составителей и лица, возглавлявшего рассмотренный словарь, не обозначены и это свидетельствует о существующей безответственности и отсутствии единства и организованности среди буржуазных литераторов, пишущих на хинди. Основные выводы, которые напрашиваются после ознакомления со словарем таковы.

1) Словарь не оправдывает своего названия «популярный» из-за пристрастия составителей к санскриту и из-за обхода ими употребительных, действительно популярных терминов, живущих в народе, говорящем на хинди. В силу этого словарь реакционен и антинационален, хотя и составлялся под лозунгами «прогресса» и «национальной культуры».

2) Игнорирование слов иного чем хинди происхождения и прочно бытующих в речи говорящих на хинди реакционно еще потому, что способствует разжиганию индусо-мусульманской вражды. Словарь демонстративно углубляет рознь между сторонниками хинди — индусами и сторонниками урду — мусульманами. На деле преобладает и реализуется крайняя националистическая тенденция, несмотря на декларации лидеров Национального конгресса и буржуазных литераторов об уничтожении разницы между урду и хинди путем создания компромиссного языка, угодного и мусульманам и индусам, — «урду-хинди или хиндустани».

3) Пристрастие составителей к санскритской терминологии и игнорирование ими обыкновенных ходких слов (по мнению составителей «неблагородных») привело к тому, что словарь сильно отстает от словаря हिन्दी-शब्द सागर, вышедшего десять лет назад.

4) Помещение при переводе английского слова на хинди на первом месте не обычных слов, употребительных в языке хинди, а санскритских, живущих только в санскритской литературе (вспомните приведенные выше примеры с терминами «мальчик», «дом» и др.) вопиюще противоречит научной лексикографии и еще раз выдает необъективность санскритизаторов и их реакционные тенденции.

В. Бескровный

T. Graham Bailey. **History of Urdu Literature**. The Heritage of India Series, Calcutta, 1932, XII + 120.

Не считая персидских, в большинстве неопубликованных, антологий XVIII в., в которых содержатся сведения о ранних поэтах урду, небольшая полка по истории литературы урду стала заполняться книгами на европейских языках и на урду с 1870 г. В 1870 г. были изданы трехтомник «Histoire de la Littérature Hindouie et Hindoustanie» — результат усердия ученого Garcin de Tassy, никогда не бывшего в Индии, и двухтомная работа 'Abd ul Jabbar Āṣafī «Maḥbūb uz Zamān» о деканских поэтах урду. В 1880 г. вышла книга M. Ḥusain Āzād'a «Āb i Ḥayāt», а вышедшая в 1896 г. монография о поэтике урду «Shi'r o Shā'irī» Alṭaf Ḥusain Ḥālī была последней работой по литературе урду, опубликованной в прошлом веке.

Заниматься историей литературы урду более интенсивно стали в Индии лишь в наше время в связи с подъемом национального движения, с развитием деятельности национальных литературных учреждений и организаций, с развитием одного из видов литературы — критики, ранее отсутствовавшей в индийских литературах. Из семнадцати книг о литературе урду, написанных на урду, двенадцать опубликованы за годы с 1925 по 1929 г. и одна в 1918 г. Из нескольких работ на европейских языках по этому вопросу только упомянутая работа G. de Tassy принадлежит XIX в., остальные же выходили в свет, начиная с 1924 г.

Все появившиеся труды по истории литературы урду за немногим исключением построены по одному принципу, по принципу tazkira. По существу история литературы, построенная по такому принципу, есть литературно-биографический словарь, в одном случае более, а в другом менее подробный. Такая история литературы сообщает биографические данные об авторах, иногда цитирует их, разбирает формальную сторону произведений, но не содержание их и не касается исторического окружения авторов. Правда, развитие буржуазной общественной жизни в Индии и влияние европейской (английской) критики сказа-

лись на таких индийских работах, как «Influence of English Literature on Urdu Literature» 'Abd ul Laṭīf'a (1924) и «History of Urdu Literature» Ram Babu Saksena (1927).

Надо заметить, само изучение истории литературы урду затруднено тем, что, как справедливо указывает автор рецензируемой книги, почти вся поэтическая литература на урду до 1800 г. находится только в рукописях; доступ к оригинальным рукописям труден, туземные антологии не точны.

Рецензируемая краткая история литературы урду является самой последней, всего лишь шестой по счету книгой на европейском языке о литературе урду. Ее цель — дать очерк о языке урду и литературе на нем вплоть до 1928 г., — поставленная автором, фактически полностью не осуществляется. За исключением Iqbāl'a в книге даже не упоминаются литераторы, которые были живы до 1928 г. и, таким образом, литература урду в XX в. отражена частично.

Метод изложения у Bailey неоригинален. Bailey не отступает от установившейся традиции инвентаризовать авторов под номерами; он не разбирает литературно-исторических вопросов, не занимается анализом произведений. После краткого и малосодержательного вступления к главам книги, он приводит имена авторов, снабжая их лапидарными биографическими и литературными данными, что сильно напоминает «Histoire de la Littérature Hindouie et Hindoustanie» G. de Tassy.

Автор в введении своей оговоркой освобождает себя от труда попытаться написать подлинную историю литературы или хотя бы дать историко-литературные характеристики упоминаемым им писателям. Он пишет: «Urdu poetry is such a maze, that a useful purpose may be served if the leading poets are indicated. There will be diversity of opinion about such a list, for people differ in temperament and in attitude towards modern thought. No finality is claimed for the views here expressed, but they may be a guide» (p. 4).

Книга содержит: введение, сообщающее краткие сведения о метрике в урду, о главных формах поэтических произведений и шесть имен крупнейших поэтов урду; главы: I — «История языка урду», II — «Начало литературы урду», III — «Первое столетие поэзии урду в Дели (1730—1830)», IV — «Поэзия урду в Лукнове в XIX в.», V — «Второй делийский период и четыре поэта из Рампура», VI — «Проза урду», VII — «Новый век», VIII — «Заключение».

В I главе Bailey подвергает сомнению установившийся взгляд на историю языка урду и предлагает пересмотреть его.

Он утверждает, что урду начался не в Дели на основе кхари-боли, а в Лагоре, на основе старого пенджаби. Позже эта первоначальная форма урду подверглась изменению под влиянием разговорного языка Дели — кхари-боли. Таким образом начало урду относится не к XII в., а к 1027г., когда в Лагоре поселились газневийские военные силы. Солдаты газневийской армии, говорящие на персидском языке, оседали в Пенджабе, усваивали местный язык пенджаби и модифицировали его, главным образом, в лексическом отношении. Их персидский язык был вытеснен из обихода пенджабским и стал языком судов сначала в Лагоре, а позже — в Дели. Через 166 лет соединенные горийские и газневийские отряды вошли в Дели и эта армия уже говорила не по-персидски, а на языке похожем на урду, основой которого был пенджаби не столь отличный от кхари-боли, как теперь.

Отсюда Bailey различает две стадии образования урду: 1) с 1027 г. лагорский урду, образовавшийся из старого пенджабского и персидского и 2) с 1193 г. делийский урду, образовавшийся из лагорского урду и старого кхари-боли, не сильно отличавшегося тогда от старого пенджаби и подвергшегося влиянию персидского языка.

На юг, в Декан, мусульмане несли урду уже как родной язык.

Далее Bailey, как и крупнейшие индийские и европейские ученые, осуждает взгляд на кхари-боли, как на язык, изобретенный Insh Allah, Sadal Mishra и Lallu Lal и говорит, что кхари-боли имел широкое распространение среди народа с того момента, когда занял место пракрита.

Касаясь истории названия «урду», Bailey говорит, что название это появилось только в середине XVIII в.; до конца XVIII в. употреблялось название «хинди» для разговорного и «рехта» для литературного. В 1790 г. 'Abd ul Qādir в предисловии к переводу на урду Корана, называл свой перевод переводом на хинди, а не на рехта.

Место урду среди языков автор определяет, как и Шьям Сундар Дас. По его схеме хинди имеет два диалекта — брадж и кхари-боли. Кхари-боли имеет три формы: 1) урду, содержащий много персидских и арабских слов; 2) литературный хинди, содержащий много санскритских слов и 3) хиндустани — via media между первыми двумя, едва отличный от простого урду.

Во II главе книги рассматриваются первые 380 лет истории литературы урду (носящие название «религиозный период»): с 1350 по 1590 и период с 1590 по 1730 г. Общие замечания к этой главе умещаются на двух страницах; остальное место занято биографическими справками об авторах. Особого внимания в этой главе заслуживают разделы: «Первый литературный период урду в Декане, 1590—1730», и «Литература урду в Декане при моголах (1687—1730)». В этих разделах Bailey приводит имена и краткие биографические данные многих авторов, не упоминаемых в ранее вышедших трудах по истории литературы урду. Правда, образцы произведений в переводе на английский даются только таких известных авторов, как M. Q. Quṭb Shah и Vajhī.

В III главе, как и в прочих, историческая справка, предваряющая перечень авторов, не отличается глубиной. Переход поэтов от персидского языка к урду в поэзии только упоминается, но не объясняется серьезно. Сказано только, что: «Gradually a love for Urdu, the home language, grew up, and poets began to feel the absurdity of speaking one language and writing another».

В таком же духе написаны IV, V и VI главы.

В VII главе — «Новый век» — перемена, происшедшая в поэзии урду, а именно: отход от персидских образцов, от эротизма в содержании, от формализма и приближение к тематике современной общественной жизни, — приписывается автором целиком влиянию английского образования и английской литературы. Исторические явления самой индийской общественной жизни ни в какой мере для объяснения этого не привлекаются. Отсутствие у Bailey единого критического метода приводит к тому, что многие авторы фигурируют под разными номерами в разных разделах книжки (Hālī под № 218 и № 231, Azad под № 215 в гл. VI и под № 232 в гл. VII).

К тем незначительным сведениям, которые были приведены в объяснение изменения содержания литературы урду с XIX в., — влияние Fort William College и полковника Holroyd (на Hālī и Āzād'a), в последней главе прибавляется Dehli College (1827—1857). Bailey просто указывает на отсутствие эпоса, драматической поэзии, философской литературы, серьезной исторической литературы, критики, но ничем этого не объясняет. Будущее литературы урду возлагается им на писателей и такие современные литературные учреждения, как Osmaniya University, Anjuman-i-Taraqqi-e-Urdu и Hindustani Academy. Как уже было отмечено, T. Gr. Bailey не задавался целью написать связную историю литературы урду, хотя библиография, им приводимая, могла облегчить выполнение такой работы. Можно было бы дать более глубокий очерк о литературе урду в рамках индийской общественной жизни. Тип tazkira,[1] избранный автором при составлении своей книги, делает ее только полезным справочником для изучающего ново-индийские литературы и подготовительным трудом авторитетного индолога для будущего историка литературы урду.

В. Бескровный

India in 1934—1935. A Statement Prepared for Presentation to Parliament in Accordance with the Requirements of the 26-th Section of the Government of India Act (5 and 6, George V, chap. 61). Published by the Manager of Publication Delhi. Printed by the manager, Government of India Press, Simla, 1937).

Рассматриваемый отчет является кратким докладом англо-индийского правительства Британскому парламенту о своей деятельности и о политико-экономическом положении Индии в 1934/35 г.

1934/35 г. был периодом улучшения экономической конъюнктуры в ряде капиталистических стран (Англия, США). Имело место также некоторое улучшение экономической конъюнктуры в Индии по сравнению с исключительным упадком сельского хозяйства и промышленности (несколько отдельно стоит хлопчатобумажная промышленность) за время мирового экономического кризиса в 1929—1933 гг.

Это дало возможность англо-индийскому правительству представить экономическое положение Индии, как вполне благополучное и вселяющее радужные надежды в будущем.

Англо-индийское правительсво (читай: английские империалисты в Индии) приложило все усилия к тому, чтобы обойти «острые углы», а именно: деградацию сельского хозяйства, явно замедленный и, в силу реакционной роли английского империализма, уродливый процесс развития производительных сил, революционное движение и т. д. Естественно, оно не могло и затрагивать причин этой чудовищной отсталости Индии в целом и бедственного положения трудящихся масс Индии в частности.

Для того чтобы создать видимость экономического и политического благополучия, англо-индийское правительство в своем отчете не привлекает сравнительных данных за более длительное время (хотя этот отчет и является первым после введения новой «конституции» Индии), а сравнивает «успехи» народного хозяйства Индии за 2—3 года. Прием, преследующий цель — обмануть мировое прогрессивное общественное мнение.

Это и понятно, ибо точные данные по сельскому хозяйству, если их сравнить с данными довоенными, или даже с данными периода 1923—1927 гг., покажут всю реакционную роль британского империализма. Каждая таблица будет служить разоблачительным документом о грабительской, эксплоататорской деятельности британского империализма в Индии и разоблачит кажущееся благополучие экономического положения в Индии.

Отсюда следует, что англичане прилагают все силы к тому, чтобы обойти результаты губительного для индийского народа владычества английского империализма в Индии, чтобы затушевать тяжелое экономическое положении Индии, которое не только не улучшилось за последние 20—25 лет, как это хотят показать англичане, а наоборот, резко ухудшилось. Это мы увидим при сопоставлении отдельных данных, приводимых в этом отчете, с данными за предыдущие годы.

[1] Tazkira — житие, биография.